

В. С. ПИКУЛЬ

<«Александр Васильевич нашел ключ к матросам»>

Колчака из Моонзунда вызвали в Ревель, где его поджидал Канин. Комфлот вынул из ящика стола новенькие погоны вице-адмирала и сердито шлепнул их перед начальником Минной дивизии:

— Обскакиваете нас, стариков... Дарю! Носите.

— Василий Александрович, как понимать ваш подарок?

Канин вручил ему телеграмму из царской Ставки, в которой черным по белому сказано о назначении Колчака командующим флотом Черного моря с производством в чин вице-адмирала.

— Выезжать сегодня. Знаете, где находится Ставка?

— Этого не знает никто. Кажется, она на рельсах.

— Она... в Могилеве. Желаю удачи.

В ревельской гостинице Колчак навестил жену с сыном. Жена — из фамилии Омировых, он женился на ней в Иркутске, когда его осенял венец полярного путешественника.

— Ты сегодня странный... Что с тобою?

— Ах, Соня! Ты даже не знаешь, как высоко я взлетел.

Между ними, неуютно и печально, стояли два чемодана, наспех вывезенных из Либавы: последнее, что у них осталось.

— Саня, я тебя не совсем понимаю, — растерянно сказала жена.

Тогда он выбросил перед ней погоны с двумя орлами:

— Собирайся! Мы едем... в Севастополь! Принимать флот...

Поезд остановился. Могилев — Ставка — царь — Колчак.

Его встретил начморштаба адмирал Русин¹, по прозвищу «железный клюв», ибо любое дело он доводил до конца. Возле Русина ласково улыбался Вася Альтфатер, которого Колчак терпеть не мог за его прогерманские настроения.

— Мы вас вытащили, — намекнул Русин на свой «клюв».

На улице возле кинематографа Колчака встретил Кедров:

— Тебя ждет Алексеев², а потом наверняка примет и государь. Ну, учить тебя не стану. Если есть сабля — нацепи. Ордена не нужны, если нет орденов с мечами. Фуражка обязательна. Для тех, кто представляется впервые, необходимы перчатки...

Разговор с косоглазым М. В. Алексеевым, который был начальником штаба при Верховном главнокомандующем, состоялся сразу же. Два часа он инструктировал Колчака, открыв перед ним, как перед комфлотом, многие секреты Антанты и России. Разговор касался Румынии и «Гебена» с «Бреслау», пробравшихся в Черное море.

— Вы должны их выжить! — требовал Алексеев. — Эбергард³ размазня и плакса. Он окружил себя льстецами... гнать всех в три шеи! Сейчас важно общерусское стремление на Босфор и Дарданеллы... поняли, адмирал?

Николай II проживал в губернаторском доме. Скороход в лаковых сапожках проводил Колчака до охраны его величества.

— Сдайте оружие, — велели Колчаку в вестибюле.

— Огнестрельного не ношу, а саблю не сдам...

В карауле стояли конвойцы, каждый из них застыл на отдельном квадратном коврикe. Собутыльник царя адмирал Нилов дружески подхватил Колчака, увлекая его дальше. Обеденная зала была обклеена белыми мещанскими обоями. Постаревший Николай II (говорят, он много пьянствовал в Ставке, вдали от Алисы) вышел из дверей, ведя за руку наследника, который баловался по-детски. За ним шел грудастый, как баба-кормилица, матрос со «Штандарта» Деревенко⁴ — тоже персона, «дядька» наследника. Мальчик-цесаревич, подобно старичку, ходил с тросточкой, сияя солдатским «Георгием».

— Господа, — объявил император тускло, — сегодня у всех нас большая радость. Из Троице-Сергиевской лавры нам прислали икону явления божьей матери Сергию Радонежскому. Алексис, — сказал он сыну, не изменив тона, — не надо баловаться...

При разведении гостей к столу кто-то жесткими пальцами схватил Колчака за плечо — это был обер-гофмаршал.

— Фам сюта, — показал он Колчаку стул (отдаленный).

Удивительно было изобилие разных водок и закусок. За столом же, после выпивки, подавали: суп с потрохами, ростбиф, пончики с шоколадным соусом, фрукты и конфеты, квас в серебряных кувшинах, вина текли — красные: портвейн и мадера. Наследник вел себя за столом крайне неприлично. Деревенко дергал его сзади за вихор. Царь молчал и много пил. Ставка считалась на походе, а потому вся посуда была металлической (золото, серебро, платина).

— Разрешаю курить, — сказал потом царь, закуривая.

Колчак не был свитским офицером, за одним столом с императором он сидел впервые. Его, человека дела, крайне поразило, что Николай засунул его в дальний угол стола, сам же восседал между Ниловым и сыном, которых и без того каждый день видел. А ведь, казалось бы, сегодня царя должен интересовать только он, новый командир Черноморского флота... Лишь после кофе, когда дворцовые лакеи, одетые по случаю войны в солдатскую форму, стали убирать со стола, император вспомнил о Колчаке.

— Александр Васильич, — сказал он ему, — прошу в сад...

В саду он, как попугай, повторил — слово в слово — все то, что Колчак уже слышал от Алексеева. От солдатской шинели царя неприятно разило карболкой, и этот запах мешал Колчаку, который на флоте привык к духам. В завершение царь сказал:

— Мне о вас так много говорили, что я стал подозрителен. Мне известно, что вы недостойно якшаетесь с этим... как его... с этим Гучковым, это нехорошо. Они, эти думские горлопаны, желают мне зла, это тоже нехорошо. Я могу нажать кнопку на столе, и их не станет. Но я этого пока не делаю, что уже хорошо...

Колчак вернулся в свой вагон, который ждал его на путях и который сразу же прицепили к составу, идущему на Севастополь.

— Саня, — спросила жена, волнуясь, — ну что там?

Поезд тронулся. Колчак проводил глазами халупы могилевских окраин, которые показались ему даже красочными из-за обилия садов и цветущей зелени обывательских огородов.

— Ничтожество! — ответил он жене. — Нужны другие люди...

Поезд летел через великую страну в солнечный Севастополь.

Колчаку было тогда 43 года — не только в России, но даже за рубежом не было такого молодого командующего флотом!

Пресса буржуазных газет работала на него. Адмирал был эффектен, как герой авантюрного романа, и газеты подняли Колчака на щит славы... Севастополь встретил его оркестрами, цвела огромная свита штабов и начальства. В приветственной речи была выражена надежда, что скоро воды Черного моря увидят его вымпел.

— Увидят! — сказал Колчак, словно облаял всех. — Через полчаса уже все увидят мой флот в море...

Прямо с вокзала — в гавань, и через полчаса вымпел был поднят над флагманской «Императрицей Марией».

— Карту, — потребовал Колчак.

Орудия параллельной линейкой, он проложил курс эскадре:

— На Босфор!

Возле турецких берегов в русские прицелы попался «Бреслау» и был вынужден спасаться. Его загнали в гавань, как крысу в нору. Колчак

вызвал по радио минный флот и завалил Босфор минами так же плотно, как делал это Эссен, его учитель, на Балтике.

По возвращении с моря Колчак обратился к черноморцам:

— Мы провели только смотр. Завтра начинаем воевать...

Он не был похож на других адмиралов. Помня об указании Гучкова, вице-адмирал стал доступен матросам, он беседовал с ними запросто. На Николаевском судостроительном заводе комфлот стал кумиром рабочих, когда выточил на станке сложную деталь.

— Не удивляйтесь моему умению. Я провел детство на Обуховском сталелитейном заводе среди пролетариев и всегда знаю их нужды!

Так он говорил, и Черноморский флот носил его на руках:

— Ура! Да здравствует наш славный адмирал Колчак... С нашим адмиралом умрем за веру, за царя, за отечество!

Это была политика — очень дальновидная. Но зато и скользкая — как каток. Рано или поздно, но шея будет свернута...

Николай II пожелал видеть нового командующего Балтийским флотом.

— Колчак на Черном справляется неплохо, — сказал Непенину император. — Мне только не нравятся его поблажки нижним чинам. К чему этот приказ, разрешающий матросам шляться по главным улицам? Почему он разрешил им бывать в театре? Вообще Колчак порою для меня непонятен... Возможно, что его подзуживают из Думы, где сидят люди, желающие мне зла. — Николай II подошел к адмиралу вплотную. — Вас я знаю, Адриан Иванович: вы поблажек флоту давать не станете. И вы способны раздавить гадину революции, если она станет заползать на балтийские корабли...

Черкасский горячо зашептал на ухо Ренгартену:

— Получена телеграмма из Ставки, командующие фронтами и Главный штаб требуют убрать выборного комфлота и назначить другого. Кого ты думаешь? Бахирева? Или Вердеревского?

— Чепуха, — возразил Довконт. — Бахирев известен как отъявленный монархист, а Вердеревский станет заигрывать с матросами. Я скажу, кто нужен Балтфлоту — Колчак!..

И скоро потянулось — от корабля к кораблю:

— Колчак! Только тихо, господа, никому ни слова... Люди уже работают, чтобы раздавить анархию. Колчак из Кронштадта сделает то же, что сделал он с Севастополем, а рептилию Максимова⁵ удавим!

«Колчак... Колчак... Колчак... приди к нам, Колчак!» ...

Молния революции заканчивала зигзагировать над Балтикой. Чем дальше от столицы, тем слабее и глуше были раскаты грома. На отдаленных базах уже не убивали. Но в отсеках кораблей долго

оставалась едкая гарь восстаний, и офицеры без погон, без кокард полиняли, говорили шепотом:

— Неужели все повторится? Нужен Колчак... Александр Васильевич нашел ключ к матросам. У него на Черном, мне товарищ по корпусу рассказывал, и честь отдают, и офицеры там — кум королю!..

Колчак провозглашал в Севастополе здравицу за свободу и демократию грядущего мира... Куда там до него Вирену⁶ или Непенину! На революции он еще больше укрепил свой авторитет среди черноморцев. И флот пошел за ним — слепо и глухо. Здоровенные бугаи-братишки на своих руках выносили Колчака из автомобиля. Перли его на трибуну. А после речей несли обратно в автомобиль, крича во всю глотку: «Весь мир насилья мы разрушим... во мы какие!» Колчак обратил комитеты флота в придатки своей канцелярии. Черноморский флот посылал проклятья флоту Балтийскому. «Предатели, — доносилось из Севастополя до Кронштадта, — в этот грозный час... не бунтовать, а воевать надо!»

Адмирал прибыл в столицу, когда здесь назревал кризис. Политический — после речи Милюкова⁷. Историк в ноте своей, обращенной к Антанте, заверил союзников, что Россия остается верна прежним договорным обязательствам. Особенно Милюков нажимал на Босфор и Дарданеллы — «глотку», воспетую даже поэтами:

Олег повесил щит на медные ворота
Столицы цезарей ромейских, и с тех пор
Олегова щита нам светит позолота
И манит нас к себе недремлющий Босфор...

Столичный гарнизон сразу взбурлил: «Долой Милюкова!»

— Кто кричит? — вопрошал Гучков. — Сто двадцать тысяч негодяев, которые окопались в тылу столицы и боятся войны!

— Так отправьте их на фронт, — рассудил Колчак.

— Не можем. Они взбунтуются. Лучше уж пусть кричат...

Гучков опять болел, и на частной его квартире решались судьбы войны. Здесь же собиралось для совещаний и все Временное правительство — у постели Гучкова. Народ демонстрировал перед Мариинским дворцом — пустым. Протесты сыпались в окна, за которыми их никто не выслушивал. Требование убрать Милюкова, как говорил тогда Ленин, было «противоречивым, несознательным, ни к чему не способным привести...» Но кризис уже определился, осложняя в стране обстановку, и без того архисложнейшую и запутанную...

— Александр Васильич, — говорил Гучков адмиралу, — наше правительство чрезвычайно довольны вами. Отлично вы справились

с черноморцами! Теперь мы желаем, чтобы вы взяли под свое начало и Балтийский флот... Вы уже имеете опыт общения с массами.

— Я готов хоть сегодня поднять флаг в Гельсингфорсе, — сказал Колчак министру. — Но я не выдержу борьбы с большевиками. Я охрип от митингов в Севастополе, здесь я могу изойти в крике — в успех не верю. Офицеры говорят, что надо ожидать рецидива резни...

В спальню министра вошел контр-адмирал Кедров. Бывший командир «Гангута» и флигель-адъютант, Михаил Александрович состоял теперь помощником по морделам при Гучкове.

— Прибыл комфлот Максимов с делами по Балтийскому флоту. Море стало освобождаться ото льда... Прикажете допустить?

— Нет! — вскрикнул Гучков. — С адмиралами, которые поддерживают демагогию ослепленных масс, я иметь дел не желаю.

Кедров в смущении перетопнул, развел руками:

— Что ему сказать?

— Скажите, что министр отбыл... придумайте что-либо.

Кедров умоляюще глянул на Колчака, но тот отвернулся.

— Александр Иванович, неудобно. Выборный или назначенный адмирал, но флот-то открывает сейчас военную навигацию.

— Видеть Максимова не могу! — заключил Гучков.

Кедров вышел в прихожую, где с папками «к докладу» поджидал приема командующий славным Балтийским флотом.

— Андрей Семеныч, министр дома. Но велел мне соврать, что его нету... Не осуди меня. Гучков не верит тебе.

Максимов сердито запикивал свои папки в портфель.

— Знаю. Мне вредят. Я перешел на сторону народа. Меня уважают матросы. Сейчас флот исходит в вопле: «Долой министров-капиталистов!» Я молчал. А завтра буду кричать это вместе с ними...

После его ухода Кедров приник к двери спальни. Послушал.

— Вам будет трудно, — говорил Гучков. — «Декларация прав солдата» учит солдата, как быстрее развалить армию. Флот уже в брешах. Немцы лезут. Мы задыхаемся. Я болею... Не хотите спихнуть Максимова, мы сами его спихнем. Ладно, езжайте в Севастополь, и мы будем уверены, что хоть черноморцы сохранят флот.

— Конечно, трудно, — соглашался Колчак. — Кто-то пустил слух, будто я богатейший хлебный помещик. Босфор нужен для меня, чтобы я имел прямой вывоз зерна за границу. Пришлось мне взять два чемодана, которые я вывез из Либавы, и выйти с ними на митинг. Перед всем флотом я открыл чемоданы, откуда посыпались тряпки жены, игрушки сына, семейные фотоальбомы и прочая ерунда. «Вот, — сказал я Севастополю, — любой из вас имеет больше моего!» Я дал им представление, как у Чинизелли, и пожар на время потушен.

— А что вам сказал Родзянко⁸ при встрече?

— Он посоветовал мне обратиться к Плеханову⁹. Но я сомневаюсь, стоит ли мне общаться с лидером Второго Интернационала?

— Вполне стоит... Георгий Валентинович здравомыслящая единица. Сейчас он вернулся из Италии, где залечивал свой туберкулез, и он примет вас... примет! Он очень недоволен большевизмом, особенно его возмутили тезисы, которые выдвинул Ульянов-Ленин.

— Итак, Плеханов? — спросил Колчак; было слышно, как скрипнул под ним стул, и Кедров отскочил от двери; Колчак вышел из спальни министра, сказал: — Миша, не дашь ли ты мне свой автомобиль?

— Бери, Саня, — отвечал Кедров. — Желаю тебе удачи...

Плеханов тоже болел — так уж случилось, что Колчак все время встречался с людьми нездоровыми и сам чувствовал себя прескверно. На пустынной холодной даче в Царском Селе, кутаясь в халат, Плеханов встретил Колчака.

— Я счастлив видеть вас, мой доблестный адмирал! Знаете ли вы, какое историческое значение имеет ваша активность в борьбе за проливы? Отказаться сейчас от Босфора и Дарданелл — все равно что жить с горлом, которое зажато вражескими руками. Садитесь. Что вас привело ко мне?

Колчак объяснил: против большевистской агитации флот нуждается в контрагитации, выводящей корабли из очереди митингов в череду сражений за победу. Насильственным методам борьбы еще не пришло время. Пока требуется слово, переворачивающее в черепе мозга, и слово за вами, знаменитый маэстро, прославленный в политических деяниях, а я — не политик, я послушаю, что вы скажете...

— Увы, — сказал Плеханов, — я изжил самого себя. Приехал вот. Говорю: «Плеханов», а на меня глядят, как на покойника. Иные же спрашивают: «Плеханов? А какой это Плеханов?» Меня забыли... я чужой. Сейчас другие имена. Их знают. Им верят... Чем же я могу помочь вам, если события управляют правительством, а не министры событиями? Говорят, опять протестация. Опять стреляют... Кризис! Не успели обогреть гнездышка, как птенцов уже разбрасывает буря. Масса стала требовать обновления кабинета в сторону левизны...

Колчак убедился, что Плеханов действительно помочь флоту не сможет.

В автомобиле Колчак долго думал, потом сказал шоферу:

— Обратно — на Мойку.

В столице уже всюду трудился командующий столичным округом генерал Корнилов. Недавно он лично пришел арестовать царицу и этим доказал свою «демократичность». А сейчас по приказу Корнилова

выкатывали на площади пушки, чтобы расстреливать народ. Надо думать, что и в этом деле он останется «демократом». Колчак проезжал мимо бунтующих толп, клаксон ревел, никого не пугая.

В окна автомобиля заглядывали разные прохожие.

— А это еще кто такой? — спрашивали.

Вид адмиральских эполет был необычен (уже отвыкли).

— Я адмирал Колчак, — говорил Колчак. — Пропустите меня.

На Черном море погоны не сняты, у нас такого хамства не знают...

У Гучкова собрались министры, явился генерал Корнилов¹⁰.

— Пушки готовы, дайте только согласие, и я начну.

Керенский¹¹ возвышенно объяснил Корнилову:

— Наша сила в моральном воздействии на массы. Применить вооруженную силу — значит вступить на прежний путь насилия...

Итог подвел Милюков:

— Мы можем говорить и решать здесь что угодно, но закончится все тем, что наша корпорация очутится в «Крестах» или в Петропавловской крепости... Там мы, господа, запоем иные романы!

Керенский обещал Колчаку своих агитаторов.

— Но и вы, адмирал, прилагайте посильные старания...

Колчак смотрел всем прямо в глаза — как беркут на солнце, не мигая. Древняя кровь ногаев еще просвечивала в смуглоте адмиральских скул. За спиною Колчака чудилось хищничество Батыя, слышались пения татарских стрел в давних сечах. Колчак, по сравнению с этими болтунами, был человеком действия. Ничто не дрогнуло в лице его, энергичном и гладко выбритом, но в запавших глазах сквозило явное презрение к сладкоглаголящему Керенскому...

— Господа, — призывал Гучков, — прошу вас к моему столу!

Стол был первогильдейский: сочные балыки и розовые ломти семги; грибки соленые и маринованные; аппетитно пузател бочонок с икрой, под водку охотно ели министры селедку. Колчак выпил стопку рябиновки и, не закусив, ускользнул... С улиц кричали: «Долой Милюкова!» Милюков перетащил к себе на тарелку балтийского угря.

— Александр Иваныч, — спросил у Гучкова, — но вы-то, голубчик, понимаете, что без Босфора нам нельзя? Нельзя нам без Босфора!

— Я вас понимаю, Павел Николаич: никак нельзя.

— Тогда нам придется уйти из кабинета... Где Колчак?

Колчак ушел по-английски — ни с кем не попрощавшись.

Севастополь бурлил: кадетские газеты сообщили, что Ленин, «разложив» флот Балтийский, собирается в Севастополь, дабы начать «разложение» флота Черноморского. Московская городская дума надеялась, что «лозунги черноморцев спасут Россию от гибели». Буржуазия носилась с черноморцами, как с писаными торбами. Отличившихся

в боях награждали уже не деньгами, не крестами, — им вешали на грудь кулоны, бриллианты, сапфиры и яхонты.

Колчак еще в поезде обдумал, как из Севастополя удобнее ломать шею Кронштадту. Для начала он выступил на митинге:

— Германия смотрит на русских, как на навоз для удобрения германских полей. Я читал Трейчке¹², я знаю... Сентиментальности в политике не существует, — Милюков был прав, когда подтвердил верность старым договорам. Если немцы победят, Россия будет расплачиваться не только унижением. Хлебом, салом, спиртом, золотом! Гинденбург¹³ вернет нашу страну в первобытное состояние Московии, когда вокруг Москву ютилось несколько городов... так уже было! Балтийцы — негодяи, продались немцам за деньги, а вы, brave черноморцы, должны делом заставить балтийцев воевать.

Он был зорек, и он присматривался. Флаг-офицеры брали нужных людей на заметку. Скоро Колчак составил громадную (в 300 человек) делегацию от Черноморского флота, и матросы-ораторы поехали по всем фронтам, разнося боевой клич к переходу в наступление...

Балтика своим крылом задела и солнечный Севастополь. Большевики-балтийцы переломили черноморцев на митингах — в их же базах! Черноморский флот развернулся на борьбу с контрреволюцией, и пришел последний час Колчака. По каютам эскадр гремели выстрелы — не убивали, нет, это офицеры сами кончали с собой.

В этот последний свой час Колчак сбросил маску демократа. На флагмане «Георгий Победоносец», вокруг которого собралась эскадра, покраснев от натуги, Колчак кричал в мегафон:

— Вы не свободные граждане, а бунтующие рабы. Вас не вразумить словами — вас надо стрелять как собак!

Эскадра ревела:

— За борт его! Эй, на «Георгии», — хватайте за ноги...

Флаг Колчака дрогнул, сползая вниз по мачте броненосца.

— Сдать оружие, — приказали ему.

Колчак выхватил свою саблю, сломал ее на колене и обломки вышвырнул за борт. Сбежав с мостика, прыгнул под капот катера, и мотор сразу заторкал, быстро доставив его на Графскую пристань.

Придя домой, он сказал жене:

— Соня, моя карьера сегодня кончилась навсегда.

— Нет, — ответила жена. — Ты посмотри, что пишут о тебе в газетах: тебя прочтат в диктаторы всей России...

В дверь постучали, и (как в сказке) появился долговязый американский адмирал Глэнон¹⁴, прибывший в Севастополь с миссией.

— Мы прибыли, чтобы учиться у вас. Америка — страна богатых возможностей, и она сумеет расплатиться с вами...

Колчак был очень сдержанным человеком, но иногда он взрывался, как бешеный огурец, и тогда сам себя не помнил:

— Убирайтесь к чертовой матери... все, все. Все!

Вечером Колчак уже покинул Севастополь, и едва исчезли окраины города, как в купе к нему просунулась голова Глэнона.

— Адмирал, — сказал он, — Штаты нуждаются в таких людях, как вы. Поверьте, здесь вы уже никому не нужны, а в Америке...

— Закройте дверь. Я устал, — ответил ему Колчак.

— Чего он хочет от тебя, Саня? — спросила жена.

Колчак открыл окно. Бурный поток воздуха ворвался в купе, и запахло степью — мятой, чабрецом и навозом.

— Американцам нужны наши секреты минного дела. Ты же знаешь, что в этом вопросе мы, русские, обскакали флоты всего мира. За океаном — детские игрушки, а не минные постановки...

На вокзале в Петрограде опять подкатился Глэнон:

— На досуге, адмирал, поразмыслите над нашим предложением. Мы не пожалеем золота. В случае согласия — вот мой адрес: Зимний дворец — миссия адмирала Глэнона...

В Мариинском дворце Колчак выступал перед министрами.

— Вы слабые люди, — заявил он правительству. — Вы замусорили Россию высокопарными словами, когда требуется только кулак...

Ему предложили ехать обратно в Севастополь и поднять на флагмане свой вымпел — тогда якобы все уладится.

— Мой вымпел разорван в клочья... Вам этого не понять!

— Может, примете на себя Балтийский флот?

— Из огня да в полымя? — спросил Колчак, кося глазами.

На выходе из дворца за адмиралом вдоль тротуара следовала машина под звездным флагом Штатов... Глэнон помахал рукой:

— Адмирал, садитесь. Я подвезу вас... Кстати, опять об Америке. Вы напрасно так относитесь к поездке за океан. Вы, русские, плохо представляете страну, которая вас отлично знает.

Колчак, не отвечая, развернул столичную газету. В глаза бросилось крупное клише. Плакат. Не русский плакат — американский! Дядя Сэм в шляпе квакера строго указывал на Колчака пальцем, а под плакатом — броская надпись:

I WANT YOU FOR US ARMY
(ВЫ МНЕ НУЖНЫ
ДЛЯ АРМИИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ)

Колчак в раздражении перевернул страницу... Стихи. Кому сейчас, в такое время, нужны стихи? Он пробежал их глазами:

Америка — могучая страна
Возможностей необычайных,
Ты расточительнее сна
О творческих вещаешь тайнах...

«Похоже, будто все сговорились с адмиралом Глэноном!»

— Остановите здесь, — сказал Колчак. — Благодарю.

Софья Федоровна пристально вглядывалась в лицо мужа.

— Саня, у тебя какие-то изменения? К лучшему?

— Сейчас я опять встретил этого прилипалу Глэнона. Я отправлю тебя с сыном в Париж, где будешь ты жить, пока в России все не изменится. Я понял одно: без помощи Америки, Англии и Франции нам с революцией не справиться.

— Ты решил ехать в Америку?

— Пока нет. Я жду...

— Чего, Саня?

— Я очень многого жду от своей судьбы.

Он ждал момента, когда реакция призовет его в диктаторы: нужен Наполеон, нужен кулак! Но... Колчак просчитался, ибо в диктаторы уже нацелился сам Керенский. Адмирал сейчас ему просто мешал, и, кажется, он был не прочь спровадить его от себя подальше — за океан...

Колчака навестил французский легионер Зиновий Пешков¹⁵:

— Адмирал, имею до вас поручение Пуанкаре¹⁶ — вас ждет высокий пост, если вы согласитесь взять на себя командование...

Лига георгиевских кавалеров (самая отпетая, самая монархическая) вручила Колчаку золотое оружие. Колчак почти с яростью схватил его в свои костистые пальцы. Бледными от волнения губами он истово целовал мерцающее лезвие. Он задышался:

— Клянусь! Все свои силы... единая и неделимая... триста лет династии... А Руси — восемьсот... стояла, стоит и стоять будет! Я, адмирал Колчак... торжественно... клянусь при всех...

Глэнон первым поздравил его с высокой наградой:

— Завтра об этом будут писать наши газеты. Вас там ждут, а чего ждете здесь вы? Британская «Интеллидженс Сервис» уже взяла вас под негласное наблюдение. О, пусть это вас не пугает: просто британской разведке стало известно, что германская агентура готовит на вас покушение в Петрограде. А вот за океаном...

Временное правительство выдерживало Колчака на льду, чтобы он сохранился в лучшей форме для боев с революцией. Оно требовало от адмирала жертвы. «Принесите себя в жертву... ради нас!» — так прямо и заявляли ему министры. Но ради них он не хотел идти на заклятие,

как глупый агнец. Разговоры и слухи о его диктаторстве не прекращались. Суворинские газеты декларировали открыто:

«Пусть все сердца, которые жжет боль об армии, будут завтра на улице... Пусть князь Львов¹⁷ уступит место председателя в кабинете адмиралу Колчаку. Это будет министерство победы!»

Германские подводные лодки шныряли по Северному морю, задерживали для обысков корабли, идущие в Англию. Шла проверка документов — немцы искали Колчака. Под измененным именем, с подложным паспортом в кармане, одетый в статское платье, Колчак благополучно прибыл в Америку как почетный гость США.

...Революционная Россия на время рассталась с адмиралом, чтобы встретиться с ним уже в сибирских снегах. Именно там, поддержанный всеильной Антантой, он и станет тем Колчаком, которого знает наш народ. Россия забудет, что он был прекрасным минером и талантливым флотоводцем, что он был полярником и гидрографом, — отныне и во веки веков адмирал Колчак останется памятен как враг народа — самый опасный, самый коварный и самый сильный.

